

Ясная Поляна

0

Л. Н. Толстомъ

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА.

ЛЕОНТЬЕВСКИЙ ПЕРЕУЛОКЪ. Д. МАМОНТОВА

1900

Дозволено цензурою. Москва, 6 іюля 1900 г.

Ясная Поляна о Л. Н. Толстомъ.

Vox populi. vox Dei.

Нынѣшнею зимой я ѣздилъ въ имѣніе графа Толстого — Ясную Поляну, выбравъ для своей поѣздки именно это время, когда я могъ быть увѣренъ, что не встрѣчу здѣсь никого, кто бы могъ помѣшать цѣли моего путешествія.

Литературное паломничество въ Ясную Поляну начинается обыкновенно къ концу весны, когда Левъ Николаевичъ пріѣзжаетъ сюда изъ Москвы, и продолжается вплоть до поздней осени.

По привычкѣ, Левъ Николаевичъ уѣзжаетъ изъ деревни послѣднимъ, много позже своей семьи, увѣряя окружающихъ его лицъ, что эта пора — перехода отъ лѣта къ осени и затѣмъ къ зимѣ — для него самая пріятная.

Но возвращусь къ цѣли моей поѣздки. Мнѣ хотѣлось разузнать, что знаютъ и думаютъ о графѣ Толстомъ ясно-полянскіе мужички — тѣ самые добродушные русскіе люди, среди которыхъ „великій писатель земли русской“ родился, выросъ и теперь еще продолжаетъ жить, и которые, быть можетъ, первые научили его понимать и любить простой народъ такъ, какъ только онъ одинъ его понимаетъ и любитъ.

Въ Тулѣ мнѣ попался мужикъ изъ Ясной Поляны, охотно согласившійся свезти меня туда на своихъ дровняхъ, а въ случаѣ надобности дать и приютъ у себя. Мужикъ былъ словоохотливъ, и разговоръ у насъ завязался тотчасъ же по выѣздѣ изъ Калужскихъ воротъ на Кіевское шоссе.

— По этой дорогѣ Левъ Николаевичъ въ лѣтнее время завсегда на ласкетѣ катается, — замѣтилъ онъ.

— А у васъ, въ Ясной Полянѣ, любятъ Льва Николаевича?

— То-есть графа нашего? Я такъ думаю, его въ цѣломъ свѣтѣ любятъ, потому другого такого барина отродясь не было. Дѣдъ мой (онъ въ третьемъ году померъ), такъ тотъ, бывало, говоритъ: „Нашъ графъ какъ есть святой человекъ“. А ужъ какъ любятъ его?! А и какъ не

любить?! Я, къ примѣру сказать, могу ли я не уважать нашего графа, ежели со мной вотъ какой случай вышелъ.

Было это... да такъ назадъ годковъ пятнадцать, а можетъ и больше. Я въ ту пору только еще поженился... Попуталъ меня лукавый пойти въ господскій лѣсъ—графскія дрова рубить. Срубилъ это я дубъ, здоровеннѣйшій дубъ, пудовъ 50 въ немъ вѣсу было.

Срубить—срубилъ, а на дровни никакъ не могу взвалить, потому больно тяжело дерево. Что жъ теперь дѣлать? — думаю. Только я это подумалъ, гляжу—предо мною стоитъ самъ графъ, Левъ Николаевичъ.

Я такъ и обмеръ. Ну, думаю, сейчасъ обо всемъ приказчику доложить, а приказчикъ — злющій былъ человекъ — ни въ жисть мнѣ этого дуба не простить.

А Левъ Николаевичъ посмотрѣлъ на дубъ, а послѣ на меня, да только и сказалъ, да такимъ ласковымъ голосомъ:

— Экой, говоритъ, ты нехорошій, что себя не жалѣешь. Развѣ, говоритъ, можно одному съ такимъ дубомъ справиться? Кати его, говоритъ, съ того конца, а я съ другого подсоблю; такъ-то легче будетъ.— И самъ же помогъ мнѣ увезти его же добро.

А все же приказчикъ пронюхалъ про это дѣло и въ волость на меня, за кражу тоись.

Ну, тамъ меня и засудили бы. А Левъ Николаевичъ, какъ узналъ про это, такъ сейчасъ самъ ко мнѣ и пришелъ.

— Возьми, говоритъ, копію, а я дамъ предписаніе, что, значить, я самъ помогалъ тебѣ дубъ увезти.

Вотъ какой это человекъ. Я такъ думаю, онъ никогда никого не обидѣлъ, потому много въ немъ этой самой доброты. —

Вскорѣ мы вѣхали въ Ясную Поляну. Я распростился съ моимъ спутникомъ и вошелъ въ первую попавшуюся избу, крайнюю при вѣздѣ въ деревню.

Хозяинъ избу, Сергѣй Петровичъ Арбузовъ, бывший конторщикъ Льва Николаевича, почти неотлучно состоявшій при немъ въ продолженіе 35 лѣтъ, нѣсколько лѣтъ назадъ вышедшій, какъ онъ выразился, въ отставку, встрѣтилъ меня весьма радушно.

Арбузовъ долгое время жилъ въ Москвѣ; сопровождалъ графа во время его путешествій въ другіе города и поэтому, что называется, пообтерся.

Узнавъ, что я пріѣхалъ изъ Москвы (графъ Толстой въ то время только что оправился отъ

своей тяжкой болѣзни), онъ первымъ долгомъ освѣдомился о здоровьѣ Льва Николаевича и былъ, повидимому, безконечно счастливъ, когда я ему сообщилъ, что, благодареніе Богу, въ настоящее время графъ чувствуетъ себя совсѣмъ хорошо.

— Мы каждый день о его здоровьѣ молились. Я, и жена моя, и зять, который теперь у графа въ приказчикахъ состоитъ, потому другого такого человѣка, какъ Левъ Николаевичъ, никогда еще не было и не будетъ.

Затѣмъ онъ бойко и увѣренно продолжалъ отвѣчать на мои вопросы, но прежде, какъ бы для удостовѣренія своей личности, предъявилъ мнѣ бумажку, на которой рукою графа было написано:

„Свидѣтельство. Сергѣй Петровичъ Арбузовъ, извѣстный мнѣ съ дѣтства своею ловкостью, сметливостью и очень добрымъ нравомъ, служилъ у меня впослѣдствіи болѣе десяти лѣтъ, въ продолженіе которыхъ велъ себя очень хорошо и былъ прекраснымъ слугою. Графъ Левъ Толстой.“

— Мнѣ за эту бумажку харьковскій банкиръ Рубинштейнъ 150 руб. давалъ, а только я ея не отдалъ, хотя и нуждался въ то время въ деньгахъ. Я послѣ объ этомъ и Льву Николаевичу рассказалъ.

— Зачѣмъ же, говорить, не продалъ?

— Затѣмъ, говорю, что пришлось бы вамъ соврать—сказать, что я ее утерять.

— А ты бы мнѣ правду сказалъ, я бы послѣ еще лучшую написалъ, — отвѣтилъ Левъ Николаевичъ.

Затѣмъ Арбузовъ повѣдалъ мнѣ слѣдующее:

— Левъ Николаевичъ теперь совсѣмъ другимъ человѣкомъ сталъ, нежели былъ прежде, потому онъ „въ восьми размѣрахъ“ пзмѣнялъ свою жизнь.

Въ 1865 и до 70 года онъ занимался хозяйствомъ. Любилъ коровъ, разводилъ овецъ, присматривалъ за усадьбой, — словомъ, во все самъ вмѣшивался. Вспыльчивый онъ былъ въ то время, порывистый...

Бывало велить дрожки запрягать — на охоту ѣхать.

Камердинеръ Алексѣй Степановичъ подаетъ ему охотничьи сапоги.

Графъ какъ раскричится.

— Что жъ ты ихъ засушилъ? Дарма ты у меня служишь!

Алексѣй Степановичъ зналъ характеръ графа. Вынесетъ сапоги и сейчасъ женесетъ ихъ обратно.

— Ну, вотъ, теперь какъ слѣдуетъ, — скажетъ графъ и вмгъ повеселѣетъ.

Въ это время въ избу вошелъ убѣленный сѣдинами благообразный старикъ.

— Вотъ дѣдушка Акимъ, — сказалъ Арбузовъ, — расскажетъ вамъ про графскихъ тетокъ.

Дѣдушка Акимъ началъ:

— Мать Льва Николаевича померла, когда нашему графу едва минулъ годъ, и выросъ онъ у тетокъ на рукахъ. Двѣ были тетки. Герголевская Татьяна Александровна, родная тетка, стало быть, и Пелагея Ильинишна Юшкова. Эта хоть ни съ какой стороны графу теткой не доводилась, а только чрезъ нее Левъ Николаевичъ свое образованіе получилъ.

Благочестивая была дѣва и, какъ мать родная, за нашимъ графомъ смотрѣла. Татьяна Александровна померла двадцать лѣтъ назадъ, и отъ роду было ей сто лѣтъ. Она нашего графа и братьевъ его въ Казань учиться повезла, а Пелагея Ильинишна, та больше богомольная была и учила нашего графа, *какъ слѣдуетъ* Богу молиться.

Бывало, каждое первое число въ село Кочаки за священникомъ посылала. А только пріѣдетъ священникъ и начнетъ водосвятіе, Левъ Николаевичъ убѣжитъ, спрячется и сидитъ тамъ все время.

Пошлетъ, бывало, садовника Семена въ оран-

жерею узнать, уѣхалъ ли священникъ, и только тогда выйдетъ изъ оранжереи.

— Только вдругъ, — началъ Арбузовъ, прервавъ дѣда Акима, — произошла съ нимъ удивительная переменна. Это уже на моихъ глазахъ. Въ 75 году пріѣзжалъ въ Ясную Поляну священникъ Василій Ивановичъ, изъ тульской семинаріи, и обучалъ закону Божію дѣтей Льва Николаевича.

Левъ Николаевичъ почти никогда съ нимъ не разговаривалъ, но случилось такъ, что, по случаю метели, Василій Ивановичъ остался у насъ ночевать. Графъ съ нимъ разговорился и до самаго свѣту они оба спать не ложились: цѣлую ночь разговаривали.

Послѣ этого дня Левъ Николаевичъ сталъ такой задумчивый и всегда, бывало, разговариваетъ съ Василюмъ Ивановичемъ.

Подошелъ великій постъ. Встаетъ это графъ раннимъ утромъ. „Поѣду, — говоритъ, — говѣть.“

— Не надо, — говоритъ, — ты себѣ спи и кучеру Филиппу скажи, чтобы не беспокоился для меня. Я, — говоритъ, — и самъ Калмыка (это была его любимая лошадь) осѣдлаю.

Говоритъ: „прости меня, Сергѣй, если я чѣмъ тебя обидѣлъ“, — и поѣхалъ въ церковь.

И послѣ этого дня лѣтъ шесть всегда въ цер-

ковъ молиться ѣздилъ, такъ что рѣдко когда воскресный день пропускалъ.

Вся деревня удивлялась: что такое священникъ Василій Ивановичъ графу разсказалъ, что Левъ Николаевичъ вдругъ такъ церковь полюбилъ?

Бывало, зайдетъ графъ ко мнѣ въ избу, когда я своего сынишку закону Божьему обучаю.

— Чему,— спрашиваетъ,— сына учишь?

Говорю:— молитвамъ.

— А,— говоритъ,— это ты хорошо дѣлаешь: человѣкъ, который Богу не молится, ничего не стоящій человѣкъ.

Въ 1881 году я жилъ съ графомъ въ Москвѣ. Въ этотъ годъ Левъ Николаевичъ опять пересталъ въ церковь ходить.

Иду, это, я съ нимъ въ баню и спрашиваю: Левъ Николаевичъ, что съ вами такое произошло, что опять перестали въ церковь ходить?

— А то,— говоритъ,— что я тамъ не пашель, чего искалъ.

И больше не захотѣлъ разговаривать по этому поводу. А вотъ, когда Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ къ намъ пріѣзжалъ,— давно это было,— они, бывало, цѣлые дни и ночи о религіи говорятъ и не наговорятся. Бывало, такъ ссорятся

и кричатъ, что страшно становится, а какъ соберется Юрій Ѳедоровичъ уѣзжать, Левъ Николаевичъ не отпускаетъ его, и все цѣлуются.

Очень они любили другъ друга.

Еще Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ, въ прежніе годы очень любилъ графа и каждое лѣто къ намъ пріѣзжалъ.

— А вы помните Тургенева?—спросилъ я.

— Еще бы не помнить! Хорошій былъ человекъ, настоящій русскій баринъ. Всегда веселый и привѣтливый, каждому, и самому простому человеку, умѣлъ сказать что-нибудь пріятное. И съ нимъ Левъ Николаевичъ цѣлыя ночи разговаривалъ.

Одинъ разъ пріѣзжаетъ Тургеневъ, а Левъ Николаевичъ и показываетъ ему новые сапоги.

— Хороши? — спрашиваетъ. — Это, — говоритъ, — моя работа, я ихъ для дѣвушки Агафьи Михайловны приготовилъ, потому теперь я это сапожное искусство хорошо изучилъ. Надо, — говоритъ, — хоть какую-нибудь пользу приносить людямъ.

Послѣ, уже ночью, когда я раздѣвалъ Тургенева, онъ долго меня спрашивалъ про Льва Николаевича.

Вообще, лѣтомъ много всякаго народа въ Ясную Поляну приходило. Особенно много стран-

никовъ, и графъ всѣхъ ихъ принималъ и всѣхъ дарилъ деньгами, а моя обязанность была кормить ихъ.

Вначалѣ Левъ Николаевичъ раздавалъ этимъ людямъ очень много денегъ; кому три, кому пять рублей... и такъ это странникамъ понравилось, что они безъ конца стали лѣзть.

Врутъ, бывало, всякую всячину, чтобы только побольше денегъ выманить, такъ что въ послѣднiе годы болѣе гривенника и теплаго обѣда никому ничего не давали.

А вотъ, въ 1873 году интересный случай вышелъ. Дѣло было въ маѣ. Пришелъ въ числѣ прочихъ странниковъ молодой человѣкъ, въ потертомъ военномъ кителѣ.

— Мнѣ,— говоритъ,— не надобно денегъ, а спросите у графа, не нуженъ ли ему переписчикъ?

А до этого графу сельскiе учителя всѣ бумаги переписывали, да только Левъ Николаевичъ былъ ими недоволенъ и часто говорилъ, что хотѣлъ бы найти хорошаго, грамотнаго переписчика.

Я и доложилъ графу, что вотъ пришелъ человѣкъ и предлагаетъ свои услуги. Говоритъ, что отставной поручикъ, Александръ Петровичъ Ивановъ, а идетъ изъ Костромской губернии.

— Не пьяный? — спрашивает графъ (это его первый вопросъ про всякаго новаго чело-вѣка).

— Нѣтъ, говорю.

Графъ велѣлъ накормить его, а послѣ дать какую-то рукопись для переписки.

Должно полагать, Александръ Петровичъ хо-рошо переписалъ, потому Левъ Николаевичъ сейчасъ же его и оставилъ и послѣ этого 15 лѣтъ держалъ у себя.

Хорошій былъ челоуѣкъ Ивановъ, умный, работающій, а только подъ конецъ сталъ выпи-вать и совсѣмъ спился.

— Съ чего такъ?

— Нашла на него блажь жениться на моло-денькой дѣвушкѣ. Ей 17, а ему 48 лѣтъ.

Левъ Николаевичъ ему тогда же сказалъ:

— Не слѣдуетъ старому челоуѣку на молодой дѣвушкѣ жениться, потому жена скоро сбѣжитъ.

Не послушался Александръ Петровичъ, же-нился... Да такъ все и вышло, какъ графъ пред-сказывалъ.

Жена черезъ мѣсяць сбѣжала, а Ивановъ съ горя и запилъ.

— Говорять, что Левъ Николаевичъ самъ любить косить? — спросилъ я у Арбузова.

— Любитъ и хорошо работаетъ. Всегда вмѣ-

стѣ съ мужикомъ идетъ въ рядъ, а иному косарю за нимъ и не поспѣть.

Въ 1882 году пріѣхали четыре французъ съ переводчикомъ.

— Гдѣ можно увидѣть графа?—спрашиваетъ переводчикъ.

— Онъ,— говорю,— пашеть.

Французы просили меня проводить ихъ въ поле и были очень удивлены тѣмъ, что графъ работаетъ наравнѣ съ другими мужиками.

Левъ Николаевичъ поздоровался съ гостями и просилъ ихъ подождать въ усадьбѣ, пока онъ управится съ работами и отведетъ въ стойла лошадей.

Левъ Николаевичъ и вознагражденіе получаетъ за свою работу, потому онъ и пашеть и косить не какъ любитель, а по настоящему. Исполу работаетъ, какъ и мужики. Напримѣръ, пять копенъ сработать надо; графъ три копы самъ сvezеть, а остальные двѣ, на его долю сработанныя, отдаетъ бѣднымъ вдовамъ.

Въ 1883 году въ Ясной Полянѣ Николай Николаевичъ Ге гостилъ. Такъ они мѣсяца три кирпичи складывали, и вдвоемъ построили дворъ и избу вдовѣ Анисѣ Копыловой, той самой, про которую Левъ Николаевичъ потомъ во „Власти тьмы“ написалъ.

Графъ и Н. Н. Ге кирпичи кладутъ, а графини Татьяна и Марія Львовны солому ткутъ для крыши.

Только вотъ съ устройствомъ печки никакъ совладать не могли. Сколько смѣху было и не передать!

Левъ Николаевичъ сидитъ внутри, а Николай Николаевичъ — снаружи находится и подаетъ ему матеріалы.

Долго у нихъ ничего не выходило, но, въ концѣ-концовъ, все-таки и печку устроили.

А только впоследствии Левъ Николаевичъ разсердился на эту самую Анисью Копылову и пересталъ ей помогать.

— Почему?

— Потому она стала потихонько водкой торговать и мужиковъ спаивать. Левъ Николаевичъ уговаривалъ ее бросить это занятіе, а она его и не послушала.

— И теперь продаютъ у васъ водку?—спросить я.

— Нѣтъ, теперь у насъ этого вреднаго зелья ни за какія деньги нельзя раздобыть, потому очень мы нашего графа любимъ и уважаемъ. А Левъ Николаевичъ нуще всего не терпитъ водку и табакъ.

— Кто,—говорить,—не курить, тотъ 10 лѣтъ

жизни берегаетъ, а кто не пьетъ,—двадцать пять лѣтъ жизни.

— А самъ онъ пьетъ?

— Прежде, бывало, пилъ, но только очень мало. Вернемся, на примѣръ, съ охоты, онъ и выпьетъ маленькую чарочку травнику и стаканъ бѣлаго вина, съ водою пополамъ. А теперь и совсѣмъ ничего не пьетъ, кромѣ воды и квасу.

Гостямъ, которые прїѣзжаютъ, подается вино, а свои тоже никогда ничего не пьютъ.

Опять же насчетъ куренія. Прежде, бывало, онъ курилъ по 100 папиросъ въ день, а вотъ лѣтъ 20, какъ ничего не курить.

Когда кончалъ курить, онъ одну папироску 6 недѣль носилъ при себѣ, да такъ и совсѣмъ отвыкъ.

Еще не любитъ Левъ Николаевичъ докторовъ и никогда за ними не посылаетъ.

А бывало такъ, что графинѣ Софьѣ Андреевнѣ приходилось тихонько отъ него привезти доктора.

Левъ Николаевичъ приметъ его, выслушаетъ а чуть только докторъ за двери, онъ и говоритъ:

— Не вѣрю я въ ихнюю науку. Больше Бога никто не можетъ помочь человѣку.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ я хотѣлъ,

было уйти, потому не было мнѣ житья отъ экономки да отъ пьянц.

Да Левъ Николаевичъ не отпустилъ.

— Не слушай,—говорить,—ты старыхъ дѣвъ, потому, когда онѣ засидятся, то превращаются въ совершенныхъ идіотокъ.

Ну, я и остался.

А рассказать вамъ, какъ мы: Левъ Николаевичъ, я и сельскій учитель ходили на богомолье въ Оптину пустынь?

Очень интересное было путешествіе и много приключилось во время него всякихъ исторій съ графомъ Львомъ Николаевичемъ.

А то вотъ какъ сдѣлаемъ. Сначала перекусимъ и выпьемъ чайку, а тамъ я вамъ и расскажу.

Я изъявилъ полное согласіе и на это, и Сергѣй Петровичъ пошелъ распорядиться по хозяйству.

— Весною 1881 или 82-го года, теперь ужъ точно не припомню,—такъ началъ бывшій служащій графа свой рассказъ,—Льву Николаевичу пришла охота отправиться на богомолье въ Оптину пустынь, расположенную въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 150—200 отъ Ясной Поляны.

И какъ это скоро случилось!

— Идемъ,— говоритъ,— Сергѣй въ Оптину пустынь Богу молиться. Сегодня же пойдемъ!

Ну, а ужъ ежели Левъ Николаевичъ что-нибудь рѣшилъ,— сейчасъ же исполнить.

Только я спросилъ у него:

— Левъ Николаевичъ, что это вамъ, вдругъ вздумалось на богомолье итти?

А онъ и отвѣчаетъ:

— Плохое ты имѣешь, Сергѣй, понятіе объ истинномъ Богѣ, ежели думаешь, что къ Нему можно итти куда-то. Богъ долженъ быть съ нами вездѣ. Онъ живетъ въ нашихъ сердцахъ, а ежели у котораго человѣка въ сердцѣ ядъ, тотъ человѣкъ и въ церкви, за молитвой, далеко отъ Бога.

Графиня Софья Андреевна сшила намъ клеенчатыя котомки, Левъ Николаевичъ надѣлъ кафтанъ, повязалъ шею башлыкомъ, и всѣ мы, обувшись въ лапти, двинулись въ путь-дорогу.

Насъ было трое: Левъ Николаевичъ, я да сельскій учитель.

Пошли мы графскою усадьбой, на лѣсъ, деревню Груманты и село Крыльцово.

За Крыльцовымъ, верстахъ въ 15, деревня Хатунка. Попались намъ тутъ навстрѣчу бабы, несшія съ рѣки холсты.

— Здравствуйте, тетки!—обратился къ нимъ графъ.

— А далече ли идете?—спрашиваютъ бабы.

— Богу молиться идемъ, въ Оптину пустынь.

Одна изъ бабъ пошустрѣе посмотрѣла на графа, а потомъ на меня (я тогда еще молодъ былъ) и говоритъ Льву Николаевичу:

— Тебѣ самый разъ Богу молиться, а ему (указывая на меня) я, чай, совсѣмъ не туда дорога.

Затѣмъ бабы указали намъ дорогу на деревню Селиваново, куда мы къ вечеру и пришли, пройдя такимъ образомъ въ теченіе перваго дня 27 верстъ.

Здѣсь мы зашли переночевать къ бывшему старшинѣ. Старуха-мать его поставила самоваръ, принесла молока, яиць (въ то время графъ еще не былъ вегетарьянцемъ) и послала внука за старшиной и за остальными членами семьи.

Всѣ пришли, и Левъ Николаевичъ разговаривался съ хозяиномъ дома.

— Давно,—спрашиваетъ у него,—вышелъ изъ старшинъ?

— Второй годъ пошелъ.

— И хорошо сдѣлалъ, что вышелъ. Сознайся, бывали, вѣдь, кляузы, и судилъ ты мужиковъ неправильно, а то, пожалуй, и взятки бралъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ старшина,—взятокъ я не бралъ и судилъ по совѣсти.

— Ежели правду ты говоришь, хорошій ты человѣкъ. Такіе люди дороги.

— Какъ передъ Богомъ, говорю правду,—продолжалъ мужикъ,—крестьяне за то и не взлюбили меня, что я правильно судилъ...

Часиковъ до 12 бесѣдовалъ съ нимъ Левъ Николаевичъ, обо всемъ поразспросилъ. Затѣмъ намъ принесли вязанку соломы, и я, выпнувъ изъ котомки простыню, сталъ готовить графу постель.

Удивились всѣ въ избѣ, а хозяинъ, какъ увидѣлъ на пальцѣ у графа вѣнчальное кольцо, и спрашиваетъ:

— Что вы за странники такіе? Можетъ, вы Левъ Николаевичъ Толстой?

— Я самый,—отвѣчаетъ графъ.

Мужикъ подумалъ немного, почесалъ затылокъ и говоритъ:

— Чего жъ вы, ваше сіятельство, раньше этого не сказали? Я бы тогда четверть водки приволокъ, да за „сусѣдами“ послалъ...

А Левъ Николаевичъ ему на это: „Вотъ видишь,—говоритъ,—самъ ты сейчасъ похвалялся, что ты человѣкъ хорошій, а тутъ вдругъ о водкѣ заговорилъ. Хорошій человѣкъ не дол-

женъ пить водку, потому она его разумъ мутить и къ пороку располагаетъ. Чрезъ нее всѣ наши несчастья происходятъ“.

На утро мы простились съ хозяевами избы и пошли дальше — на Крапивку, гдѣ знакомый Льва Николаевича, Филать Васильевичъ, содержаль заѣзжій дворъ.

Было всего 11 часовъ утра, но графъ здѣсь остался отдыхать, потому, съ непривычки, у него уже на второй день стали ноги слабѣть.

Отсюда мы отправились по большой старой дорогѣ и пришли въ большое село Ченцовскіе дворы, гдѣ и рѣшили заночевать.

И здѣсь остановились у старшины. Послѣдній производилъ въ это время расчетъ съ рабочими, которые ему были кирпичи, и, повидимому, многихъ обдѣлялъ. По крайней мѣрѣ, многіе остались недовольны.

Наконецъ, когда расчетъ былъ оконченъ, старшина и говоритъ мужикамъ:

— А теперь тащите ведерко вина... вотъ и странники съ нами разопьютъ. Идетъ, что ли?

Левъ Николаевичъ, какъ услышалъ это, сейчасъ же вышелъ на крыльцо и говоритъ мнѣ:

— Ахъ, какой же жалкій и несчастный человекъ этотъ старшина, что своихъ же мужиковъ обдѣдаетъ...

Вскорѣ рабочіе куда-то удалились, и старшина, который былъ уже подвыпивши, вышелъ вслѣдъ за нами на крыльцо и растянулся отдыхать на заваленкѣ.

Подходить къ старшинѣ какая-то баба, съ ребенкомъ на рукахъ, низко кланяется въ ноги и просить:

— Назаръ Васильевичъ, родимый, смилуйся же ты, наконецъ, надъ моею вдовьею долей, потому безъ этого хоть ложись да помирай.

А старшина лежитъ себѣ да ухмыляется; баба пуще прежняго просить, а старшина какъ закричить на нее:

— Чтобъ духу твоего, — говоритъ, — здѣсь не было, не то я сейчасъ пошлю за писаремъ.

Левъ Николаевичъ и подозвалъ бабу.

— Какое, — спрашиваетъ, — у тебя дѣло?

— Прошу, дѣдушка, заступничества. Было у меня пять сынковъ и пять надѣловъ земли. Три надѣла общество отбило, а теперъ и усадьбу мою хотятъ снести.

Графъ записалъ что-то въ книжку и успокоилъ бабу.

— Не печалься, — говоритъ, — я тебѣ помогу и все устрою.

— Я тебѣ уже помогу!.. — закричалъ стар-

шина на графа, — откуда ты такой помощатель взялся? Да есть ли у тебя еще паспортъ?!

Я досталъ изъ котомки паспортъ и показываю его старшинѣ: Вотъ, — говорю, — читай!

А онъ мнѣ: — ничего я не вижу, что тутъ написано; вотъ сынъ у меня, Васька, тотъ въ Питерѣ кучеромъ былъ, — дай ему прочитать.

Выбѣжалъ изъ избы Васька и сталъ читать, а потомъ подбѣжалъ къ отцу и шепнулъ ему что-то на ухо.

Вмигъ исчезъ старшина, а съ нимъ и вся изба опустѣла. И даже ведро водки, которое рабочіе уже успѣли притащить въ избу, куда-то унесли.

Съ нами остался только сынъ старшины — Василій, съ которымъ Левъ Николаевичъ вступилъ въ разговоръ.

— Нехорошій человѣкъ твой отецъ, что такъ съ мужиками обращается, однихъ обсчитываетъ, другихъ спавиваетъ...

— Вѣдь не одинъ такой; всѣ всегда такъ дѣлаютъ, — отвѣтилъ Василій.

— Что же изъ того? И другіе, стало быть, нехорошіе люди, и не слѣдуетъ съ нихъ брать примѣръ. Твой отецъ — старшій человѣкъ въ деревнѣ и долженъ всегда такъ поступать, чтобы другіе, глядя на его образъ жизни и на поступки,

научались добру и справедливости. Гдѣ нѣтъ добра и любви къ людямъ, тамъ нѣтъ и Бога, а безъ Бога человекъ ничего не стоитъ. Охъ, какія съ твоимъ отцомъ еще могутъ случиться несчастья!

Кстати замѣчу, слова Льва Николаевича оказались пророческими. Года три спустя, отецъ Василія, дѣйствительно, угодилъ въ тюрьму, а выходѣ изъ нея, былъ отправленъ на поселеніе.

Затѣмъ мы переночевали, а на утро пошли въ деревню Дубки, находящуюся въ 10 верстахъ.

Усѣлись на камнѣ и отдыхаемъ; только вотъ намъ навстрѣчу идетъ мужичекъ, пошатывается и на всю улицу пѣсню поетъ.

— Здорово, — говоритъ, — странники! А мы сейчасъ водки выпили...

— По какому случаю? — спрашиваетъ Левъ Николаевичъ.

— А случай вотъ какой. Тутъ наемни какой-то баринъ тройкой ѣхаль. Лошадь у него пала и издохла... А мы содрали съ нея шкуру и потащили въ кабакъ.

Сказалъ это и пошелъ себѣ своею дорогой. Только ушелъ мужикъ, изъ избы, близъ которой мы усѣлись, вываливается настоящій странникъ, но пьяный, препьяный.

Однако, насъ онъ все-таки замѣтилъ и спрашиваетъ:

— Кто вы такіе будете?

— Странники,— только и отвѣтилъ ему графъ.

— И я тоже странникъ... — отвѣчаетъ онъ.

Левъ Николаевичъ подозвалъ его, усадилъ подлѣ себя и вступилъ въ бесѣду.

— Стыдно,— говоритъ,— тебѣ передъ Богомъ и передъ людьми, что такой неправедный образъ жизни ведешь. Проспись-ка ты и пойдешь съ нами Богу молиться, а послѣ я тебя къ себѣ возьму и денегъ дамъ, ежели будешь работать и трудиться. вмѣстѣ будемъ работать.

Сначала странникъ было согласился, а часа два спустя, когда графъ хотѣлъ тронуться въ дорогу, онъ и говоритъ ему:

— Нѣтъ, не пойду я съ вами. Не хочу ни денегъ, ни труда...

Пошли мы дальше, а Левъ Николаевичъ и говоритъ дорогой.

— Вотъ, до чего водка доводитъ. Совсѣмъ облѣнился этотъ жалкій человѣкъ, предавшись пьянству. А я думалъ, его можно исправить...

— Словами не исправишь человѣка,— замѣтилъ я.

— Я бы его работать заставилъ. Потрудился бы онъ до пота лица, прошла бы охота и пить.

Сама совѣсть укорила бы его. А теперь это совѣсть потерянный человекъ.

Въ дорогѣ намъ попался еще какой-то старикъ, бывший, какъ оказалось, крѣпостнымъ еще у Александра Михайловича Исленева, дѣда графини Софьи Андреевны.

Графъ и съ нимъ долго разговаривалъ.

Путь мы держали въ село Мананки, гдѣ у Льва Николаевича былъ большой пріятель священникъ.

Владимиръ Акимовичъ, такъ звали священника, былъ раньше сельскимъ учителемъ недалеко отъ Ясной Поляны. Левъ Николаевичъ его очень любилъ за добродѣтельный образъ жизни.

По просьбѣ графа же, преосвященный Никандръ и далъ Владимиру Акимовичу приходъ въ Мананкахъ.

Стало смеркаться и наступила ночь. Вдругъ ударилъ громъ, сверкнула молнія и разразилась сильная гроза. А дѣваться намъ некуда, потому кругомъ ни зги не видать.

На несчастье, у Льва Николаевича сдѣлались спазмы (прежде это съ нимъ часто бывало): онъ упалъ на землю и не шелохнется.

Одежда его вся насквозь промокла, лапти наполнились водой... Лежить графъ на землѣ и тяжело вздыхаетъ.

— Совсѣмъ, — говоритъ, — помираю.

Мы съ учителемъ накрыли его бывшими у насъ въ котомкѣ простынями и стали согрѣвать его своимъ дыханіемъ.

Къ счастью, дождь скоро пересталъ, и мы, взявъ Льва Николаевича подъ руки, пошли... Куда, — мы и сами не знали. Шли наудачу, надѣясь набрести на какую-нибудь деревню.

Идемъ. Слышимъ, — вода журчитъ. Авось, думаемъ, мельница. Дѣйствительно, вскорѣ во тьмѣ ночной показались очертанія избы.

Я стучусь. Не отпираютъ.

— Ради Бога, — говорю, — впустите. Дайте малость обсушиться. Мы вамъ за это пять рублей дадимъ.

— И десяти не возьму. Ступайте дальше. Тутъ и до деревни-то всего одна верста.

Пошли по дорогѣ и встрѣтили мужичка, который за полтинникъ проводилъ насъ въ деревню.

Мы вошли въ избу къ какому-то Ануфриевичу, сняли съ себя мокрыя одежды и сѣли грѣться у печки, которую хозяинъ избы затопилъ для насъ среди ночи.

— А водочки вамъ не надо?—спросилъ Ануфриевичъ.

— Пѣтъ, мы не пьемъ, — отвѣтилъ графъ, а

послѣ, когда мы улеглись на солому, сказали мнѣ:

— Какой странный нашъ народъ: и среди ночи не прочь выпить водки.

На слѣдующій день, во второмъ часу дня, мы пришли въ Мананки и пробыли здѣсь цѣлыя сутки.

Священникъ, Владимиръ Акимовичъ, былъ-повидимому, счастливъ, что Левъ Николаевичъ посѣтилъ его. На другой день онъ запрягъ своихъ лошадей и привезъ насъ до Бѣльева (25 верстъ отъ села).

Владимиръ Акимовичъ, по его словамъ, былъ бы вполне счастливъ и доволенъ своею жизнью, если бы не теща, которая, какъ онъ выразился, „отравляетъ каждую минуту его существованія“.

Левъ Николаевичъ ему и сказалъ на это:

— А вы, Владимиръ Акимовичъ, не противьтесь злу: ни въ чемъ тещѣ не перечьте. Дѣлайте все, какъ она того требуетъ. Этимъ скорѣе всего вы пробудите въ ней совѣсть и заставите тещу смириться.

Въ Бѣловѣ мы посидѣли въ трактирѣ, попили чаю и, простившись со священникомъ, пошли дальше.

Вечеромъ того же дня, т. е. на пятый день

пути, мы пришли, наконецъ, въ Оптину пустынь.

Быль седьмой часъ вечера и звонили собираться къ ужину.

Пошли и мы съ Львомъ Николаевичемъ, причемъ, такъ какъ мы были въ самыхъ простыхъ одеждахъ да въ лаптяхъ, насъ не пустили въ первыя двѣ комнаты, которыя почище, а посадили въ третью, вмѣстѣ съ остальными нищими.

Послѣ трапезы пошли въ келью. Левъ Николаевичъ и говоритъ монаху:

— Отецъ Иванъ, намъ бы переночевать?

— Нѣтъ у насъ номеровъ свободныхъ; всѣ заняты, — отвѣчаетъ тотъ.

— Я заплачу, сколько потребуется.

— Хорошо, я пойду посмотрю.

Скоро отецъ Иванъ вернулся и повелъ насъ въ комнату, гдѣ мы должны были провести ночь въ обществѣ еще трехъ людей.

Графъ не спалъ всю ночь, потому онъ, долженъ вамъ замѣтить, страшно боится храпу. А одинъ изъ нашихъ компаніоновъ, какой-то сапожникъ, какъ на зло, невозможно храпѣлъ.

Утромъ Левъ Николаевичъ выпилъ чаю и отправился Богу молиться.

Молился онъ часа 3—4, а затѣмъ сталъ бро-

дить по монастырю и, между прочимъ, вошелъ въ монастырскую книжную лавочку.

Слышитъ онъ, какъ какая-то баба просить Евангеліе за пятакъ, а монахъ отказываетъ, потому, говоритъ—„дешевыя Евангелія всѣ вышли, остались только дорогія“.

Узналъ Левъ Николаевичъ, что баба хочетъ купить Евангеліе для сына своего, взялъ съ прилавка Евангеліе, заплатилъ за него полтора цѣлковыхъ и отдаетъ бабѣ.

— Вотъ возьми,— говоритъ,— сама читай и сына своего учи, потому Евангеліе утѣшаетъ нашу жизнь.

Баба поблагодарила и ушла, а монахъ только подивился на графа.

Что, моль, за человекъ такой? Съ виду совсѣмъ убогій и нищій, а деньгами такъ швыряетъ.

Даль знать архимандриту, а послѣдній сразу подумалъ: „Ужъ не графъ Толстой ли?“ и послалъ одного монаха разузнать, кто такой этотъ странникъ.

Монахъ этотъ, бывшій яснополянской мужикъ, сразу узналъ Льва Николаевича и сказалъ, что архимандритъ просить его пожаловать къ себѣ.

Левъ Николаевичъ надѣлъ чистую блузу и

сапоги и пошелъ, а только очень жалѣть, что его узнали.

Отъ архимандрита графъ пошелъ къ отцу Амвросію, благочестивѣйшему старцу, жившему въ Оптиной пустынѣ съ незапамятныхъ временъ.

Смотрю, Левъ Николаевичъ выходитъ отъ отца Амвросія такой довольный и радостный.

— Что съ вами?—спрашиваю.

А онъ мнѣ:—Этотъ отецъ Амвросій—совсѣмъ святой человѣкъ. Поговорилъ съ нимъ, и какъ-то легко и отрадно стало у меня на душѣ. Вотъ когда съ такимъ человѣкомъ говоришь, то чувствуешь близость Бога.

— Чему же онъ васъ научилъ?—спросилъ я.

— Такіе люди, какъ отецъ Амвросій никогда не учатъ другихъ, а только самихъ себя. Затѣмъ, чтобы люди, глядя на ихъ праведную жизнь, учились правдѣ и добру. Это самое правильное ученіе и, по моему, оно выше и благороднѣе всѣхъ другихъ.

Днемъ Левъ Николаевичъ выпилъ чаю и закусилъ, затѣмъ онъ еще разъ помолился въ монастырѣ, и мы двинулись въ обратный путь.

— Путешествіе въ Оптину пустынь,—продолжалъ Сергѣй Петровичъ,—сильно утомило графа, и обратный путь Левъ Николаевичъ рѣшилъ совершить по желѣзной дорогѣ.

Намъ оставалось дойти пѣшкомъ до Калуги и оттуда взять билеты до станціи Ясенки (за Тулой), откуда уже недалеко и до Ясной Поляны.

По дорогѣ мы еще останавливались въ Жиздрѣ и въ Калугу пришли, когда уже наступила ночь. Левъ Николаевичъ взялъ номеръ въ гостиницѣ, какъ теперь помню, въ пятьдесятъ копѣекъ, а утромъ, за чаемъ, разговорился съ содержателемъ гостиницы, который сообщилъ ему, что въ ихнемъ городѣ, въ Калугѣ тожь, очень много сектантовъ, такъ называемыхъ, субботниковъ и молоканъ.

— Я бы очень хотѣлъ ихъ повидать,—замѣтилъ Левъ Николаевичъ.

— Что же, это дѣло возможное. Пошлите за ними своего человѣка,—они здѣсь на базарѣ торгуютъ,—объяснилъ содержатель гостиницы, указавъ мнѣ, куда надлежало идти.

Вскорѣ я вернулся въ сопровожденіи нѣсколькихъ молоканъ, съ которыми графъ и началъ разговаривать о вѣрѣ.

Помню, много лѣтъ спустя, если не ошибаюсь, въ 1893 году, Левъ Николаевичъ разговаривалъ точно также съ однимъ молоканомъ, специально пріѣхавшимъ въ Ясную Поляну изъ отдаленной Самарской губерніи.

На калужскомъ постояломъ дворѣ, какъ и

впослѣдствіи въ Ясной Полянѣ, Левъ Николаевичъ раскрывалъ предъ сектантами всѣ ихъ заблужденія и объяснялъ, въ чемъ состоитъ истинная, православная вѣра.

Графа очень заинтересовало то обстоятельство, что эти люди чувствуютъ себя несчастными и жалуются на всякія преслѣдованія потому, что ищутъ какую-то особую вѣру, но не понимаютъ, гдѣ она.

Прослушавъ съ большимъ вниманіемъ рассказъ молокана, графъ и спросилъ у него:

— Расскажи, давно ли ты вѣруешь въ твою вѣру?

— Я, — отвѣтилъ молоканъ, — крестился въ купели и всегда молился образамъ, а вотъ въ третьемъ году нѣсколько домовъ у насъ рѣшили отнести образа въ церковь и сказать священнику, что мы его больше не хотимъ.

Левъ Николаевичъ жалостливо посмотрѣлъ на молокана и говоритъ ему:

— Несчастный ты человѣкъ и всѣ вы несчастные. Оттого вы и страдаете, что забыли истиннаго, православнаго Бога и стали искать какую-то другую, несуществующую вѣру. Скажи, гдѣ вы нашли вашу вѣру и что въ ней хорошаго?

Молоканъ долго думалъ, нѣсколько разъ под-

пималъ къ небу свои большіе голубые глаза, но ничего не могъ отвѣтить.

Тогда Левъ Николаевичъ сказалъ ему:

— Вотъ видишь, какой ты несчастный человекъ! Вы ищите какую-то новую вѣру, не понимая ея. Вы сами не знаете, что вамъ надо, и какъ можно спасти свою душу.

Вы даже не чувствуете, какой великій грѣхъ вы совершили, оставивъ церковь.

По какому убѣжденію вы сдѣлали это? Сознайтесь, ваши предки всегда почитали церковь, молились образамъ и слушали своихъ священниковъ.

А вы, несчастные, ища новой вѣры, перестаете быть христіанами и только развращаетесь. Вы, напримѣръ, не находите грѣха въ томъ, что даже постомъ ѣдите мясную пищу, а между тѣмъ это большой грѣхъ.

Вообще, никогда не слѣдуетъ рѣзать животныхъ, которыя имѣютъ такое же право на жизнь, какъ и мы съ тобой.

По воскреснымъ днямъ вы не ходите въ церковь, и оттого вы такъ злабы духомъ. Вы пьете водку и курите, и это—грѣхъ и большой вредъ для человека, ибо водка порождаетъ всякій блудъ, а табакъ причиняетъ истощеніе тѣла.

— А какъ же обходиться безъ мяса?—удивленно спросилъ молоканъ.

— Сытымъ можно быть хлѣбомъ и растеніями, которыя идутъ изъ земли. Это безкровная пища.

— По правдѣ скажу тебѣ,—продолжалъ Левъ Николаевичъ,—много несчастій и страданій ожидаетъ васъ, если вы снова не обратитесь къ православной церкви. Вы можете погибнуть въ новой вѣрѣ...

Между прочимъ графъ далъ молокану Евангеліе и говоритъ:

— Почитай - ка.

Молоканъ сталъ читать, но читалъ очень плохо.

— Вотъ видишь,—замѣтилъ ему графъ,—ты даже Евангелія читать не умѣешь, а говоришь о новой вѣрѣ! Какой-нибудь пьяный натолковалъ вамъ про эту вѣру, а вы и повѣрили.

— Что же теперь дѣлать и какъ спасти себя?—спросилъ молоканъ.

— Совѣтую тебѣ и всѣмъ вамъ сходить къ нѣкоторымъ святымъ мѣстамъ, въ монастыри, и тамъ научиться хорошему.

Дѣлайте такъ, какъ ваши предки. Креститесь въ купели, молитесь образамъ, ходите въ церковь, почитайте и любите Бога всею ду-

шой, и ближнихъ, помогайте другъ другу, и вы будете спасены до конца своего.

Молокане поблагодарили графа за то, что наставилъ ихъ на истинный путь, и дали слово слѣдовать его благимъ совѣтамъ.

Выходя отъ графа, одинъ изъ молоканъ и спрашиваетъ у меня,—ходить ли графъ въ церковь.

Я отвѣтилъ:—нѣтъ, не ходитъ, но когда мои дѣти идутъ въ воскресенье молиться, онъ всегда говоритъ мнѣ: „это ты очень хорошо дѣлаешь, Сергѣй, что дѣтей своихъ Богу молиться посылаешь“.

Молоканъ былъ этимъ очень удивленъ и сказалъ мнѣ:

— Это очень странно. Человѣкъ такъ любитъ Бога и почитаетъ вѣру, а въ церковь никогда не ходитъ.

По уходѣ молоканъ, графъ опять разговорился съ содержателемъ постоялаго двора.

Помню, между прочимъ, содержатель сознался, что онъ очень скупой человѣкъ, и добавилъ:

— Я такъ думаю, скупость идетъ отъ сатаны и чрезъ это грѣхъ. Но что же дѣлать, чтобы не быть скупымъ?

— Начни завтра же раздавать бѣднымъ свои деньги, и перестанешь быть скупымъ, — отвѣтилъ ему Левъ Николаевичъ.

На вокзалѣ, въ ожиданіи поѣзда, графъ еще долго бесѣдовалъ съ какими-то странниками и одѣлалъ всѣхъ остававшимися у него деньгами.

— А много ли денегъ было у него? — полюбопытствовалъ я, зная, что графъ никогда не имѣетъ при себѣ сколько-нибудь значительныхъ суммъ.

— Какъ отправлялись въ Оптину пустынь, Левъ Николаевичъ взялъ у графини Софьи Андреевны рублей 200, да мнѣ было дано рублей 50 на всякіе мелкіе расходы. Вѣдь Левъ Николаевичъ никогда съ собой денегъ не носитъ. Понадобится ему, онъ и проситъ у графини „рублей 10, 15“, — и сейчасъ же раздастъ ихъ бѣднымъ.

Изъ находившихся на калужскомъ вокзалѣ странниковъ особое вниманіе Льва Николаевича привлекла къ себѣ старуха, притащившаяся сюда изъ самой Сибири.

Старуха тоже была на богомольѣ и рассказывала про свое исцѣленіе. Раньше ноги ея были покрыты такими ранами, что она едва могла ходить.

— А вотъ какъ помолчалась, все и прошло. Я въ это всегда вѣрила.

— Вотъ вѣра и спасла тебя, — отвѣтилъ ей Левъ Николаевичъ и тутъ же замѣтилъ мнѣ, что,

помолившись въ Оптиной пустыни, онъ и самъ чувствуетъ обновленіе души.

На другой день мы уже были въ Ясной Полянѣ, гдѣ и рассказывали про всѣ наши приключенія въ пути. Двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ...

— Однако,—перебилъ я моего любезнаго собесѣдника, — вы удивительно хорошо помните всѣ мелочи этого путешествія?!..

— Еще бы не помнить, ежели мнѣ, чай, тысячу разъ приходилось рассказывать, какъ графъ въ Оптину пустынь Богу молиться ходилъ. Я такъ думаю, въ нашей деревнѣ нѣтъ ни одного мужика, который бы не зналъ про это путешествіе графа.

Соберутся, бывало, вечеркомъ, чаще всего въ моей избѣ, и пристають:

— Расскажи да расскажи, свать, какъ вы со Львомъ Николаевичемъ въ Оптину пустынь ходили...

Ну, и рассказываешь... А вотъ изъ господъ, которые у насъ лѣтомъ гостили, никто у меня объ этомъ не спрашивалъ. Я такъ думаю, въ городѣ мало кто и знаетъ, какой есть праведный человекъ нашъ Левъ Николаевичъ.

Скажу такъ. Въ городѣ все больше думаютъ, что онъ только притворяется: говорить одно, а

дѣлаеть другое. Души его прекрасной не знаютъ, оттого такъ и думаютъ.

Вотъ примѣрно сказать, года два назадъ въ Москвѣ вышла книжка мадамзели Сиронъ, которая жила у насъ въ гувернанткахъ.

Разные господа и писатели прочтутъ эту книжку и только руками разведутъ отъ удивленія.

— Такъ вотъ онъ каковъ, — скажутъ, — графъ Левъ Николаевичъ на дѣлѣ, совсѣмъ то-псь другой категоріи человѣкъ.

А я, вотъ вѣрите мнѣ, какъ сталъ читать эту книжку, такъ даже заплакалъ. Очень ужъ мнѣ обидно стало за графа Льва Николаевича, что такого, можно сказать, праведника поносить предъ цѣлымъ свѣтомъ какая-нибудь, простите за слово, „французшица“.

Я и мужиковъ собиралъ и имъ эту книжку читалъ, — и всѣ они только крестились, да плакали, потому въ Ясной Полянѣ нѣтъ человѣка, которому графъ не оказалъ бы какого-нибудь благодѣянія.

И такъ это мнѣ было обидно, что я хотѣлъ и свою книжку написать, чтобы, значить, всѣ узнали, какая нехорошая и неблагодарная женщина эта самая Сиронъ и какая неправда въ томъ, что она писала.

Вотъ, я вамъ сейчасъ покажу, что я хотѣлъ написать.

Сергѣй Петровичъ порылся въ сундукъ и вытащилъ оттуда огромную кипу писчей, мелко исписанной бумаги.

— Было больше, — сказалъ онъ, — да только я носилъ это къ одному барину въ Тулу, а онъ послѣ и удержалъ у себя половину. Говорить, что пропало... А только, я полагаю, онъ отобралъ, что поинтереснѣй и держитъ теперь у себя. Ну, и Господь съ нимъ...

Крупныя ореографическія погрѣшности въ писаніяхъ Сергѣя Петровича вполнѣ искупались искренностью чувства и благороднымъ негодованіемъ, которыя такъ и сквозили въ каждомъ написанномъ имъ словѣ.

Я взялъ наудачу первый попавшійся листъ бумаги и вотъ что я прочиталъ:

„Критика на книгу мадамъ Сиронъ о графѣ Толстомъ“.

„Какъ ни старалась ворона запѣть по соловьиному, но все-таки не сумѣла этого сдѣлать и такъ навсегда вороной и осталась. А соловей поетъ, какъ и прежде, громко и весело, и пѣніе его всѣхъ утѣшаетъ.“

Дѣйствительно, мадамъ Сиронъ не ошиблась, когда, написавъ несправедливую книжку о графѣ Львѣ Толстомъ, назвала себя мухой.

Тысяча человѣкъ, прочитавъ ея книжку, ска-

жутъ, что мадамъ Спронъ не муха, а паукъ, который наткалъ паутину и хочетъ запутать въ нее Льва Николаевича. А только это ей не удастся, потому я, какъ свидѣтель праведной жизни нашего графа, могу сказать, что въ этой книжкѣ только одна неправда.

Мадамъ Спронъ пишетъ, что, когда въ 1884 году въ Ясной Полянѣ сгорѣло болѣе двадцати домовъ, то она помогала погорѣвшимъ больше, чѣмъ графъ Толстой. Это — неправда.

Левъ Николаевичъ жилъ въ это время въ Москвѣ, въ Хамовникахъ. Когда управляющій написалъ о пожарѣ, графъ въ тотъ же день поѣхалъ въ Ясную Поляну, приказалъ выдать погорѣльцамъ всякаго лѣсу для постройки домовъ и составить списокъ мужичковъ, у которыхъ погорѣлъ хлѣбъ.

И всѣмъ имъ были выданы и хлѣбъ, и кормъ для скота.

Еще скажу, яснополянскіе крестьяне и нынѣ не имѣютъ особеннаго достатка и всегда обращаются къ графу. И такъ какъ Левъ Николаевичъ всегда даетъ имъ и лѣсу, и травы для сѣна, и денегъ, то и окружные крестьяне изъ чужихъ деревень ходятъ къ нему, и графъ никому ни въ чемъ не отказываетъ.

Но мадамъ Спронъ говоритъ въ своей *кни-*

женочкѣ большую нелѣпость, будто графъ скупъ, а по ночамъ ѣсть скоромное.

Это все неправда! Дай Богъ каждому изъ насъ быть такого твердаго характера, какъ графъ Левъ Николаевичъ. Онъ уже двадцать лѣтъ мясного не ѣсть, также водку не пьетъ, табаку не курить. Сейчасъ его любимая пища — какой-нибудь супъ, гречневая каша, горохъ, грибы, чай или кофе съ миндальнымъ молокомъ. Когда онъ былъ еще совсѣмъ здоровъ, то десять лѣтъ кряду работалъ съ крестьянами и вмѣстѣ съ ними завтракалъ посреди поля. Усядутся, бывало, всѣ кругомъ, а въ серединѣ стоитъ кувшинъ съ квасомъ, коврига хлѣба, соль, вареный картофель и огурцы.

Начинается трапеза, и въ это время идетъ разговоръ самый скромный и *научный*. Мужички обращаются къ графу съ вопросомъ, какъ лучше имъ жить, чтобы не чувствовать постоянной бѣдности, а Левъ Николаевичъ и учитъ ихъ.

Какъ теперь помню, изъ крестьянъ выдавался своимъ краснорѣчьемъ Сергѣй Рѣзуновъ.

Графъ Левъ Николаевичъ сталъ говорить крестьянамъ и объяснять, что только тогда между людьми не будетъ никакой бѣдности, когда каждый человѣкъ будетъ добръ къ другому че-

ловѣку, будетъ помнить Господа Бога и познаетъ, что обидѣть другого человѣка — большой грѣхъ.

— Если бы всѣ люди исполняли эти заповѣди, — сказалъ онъ, — то повѣрьте, у насъ было бы очень мало бѣдности. Сама жизнь доказываетъ, что гдѣ миръ — тамъ и рай!

Сергѣй Рѣзуновъ слушалъ слова графа и говоритъ:

— Это вы правду говорите, Левъ Николаевичъ. Когда, напримѣръ, въ воскресный день бываешь въ Божьемъ храмѣ, то послѣ, вѣрите Богу, чувствуешь большой грѣхъ, если оскорбишь кого-нибудь. И если бы мы все исполняли, что вы намъ говорите, по мы ненуждались бы такъ, какъ теперь нуждаемся. А у насъ все напротивъ. Богатый сосѣдъ радуется, если бѣдный доходить до сумки.

Затѣмъ Рѣзуновъ началъ рассказывать о своихъ сыновьяхъ, которые забогатѣли и теперь до того распянствовались, что какъ-то, во время драки, одинъ чуть не зарубилъ другого топоромъ.

— Вотъ почему, — отвѣтилъ ему на это Левъ Николаевичъ, — я и совѣтовалъ вамъ не пить водки. Потому, какое бы злое дѣло ни задумалъ трезвый человѣкъ, совѣсть его всегда удержитъ отъ грѣха. А у пьянаго человѣка совѣсть спитъ, и онъ самъ не понимаетъ, что дѣлаетъ.“

Я сталъ читать дальше.

„Еще пишетъ мадамъ Сиронъ о мальчикѣ, котораго графъ встрѣтилъ на Пречистенскомъ бульварѣ, повель къ себѣ домой и затѣмъ прогналъ.

Ну, это уже ни на что не похоже. Когда Левъ Николаевичъ живетъ въ Москвѣ, онъ самъ всегда разыскиваетъ бѣдный людъ, чтобы помочь ему.

Когда графъ одну зиму ходилъ колоть дрова на Воробьевы горы, онъ получалъ за свою работу когда 80 копѣекъ, а когда и цѣлковый.

И эти деньги онъ всегда раздавалъ бѣднымъ вдовамъ“...

— Большой грѣхъ для мадамъ Сиронъ, что написала такую неправду.

Какой-то старый, благообразный мужикъ, вошедшій во время нашего разговора въ избу и грѣвшійся у теплой печки, услыхавъ, что мы говоримъ о графѣ Левѣ Николаевичѣ, вставилъ и свое слово.

— Вотъ, уже болѣе двухъ десятковъ лѣтъ,— такъ началъ онъ,— какъ Левъ Николаевичъ оставилъ свое экономическое хозяйство и не интересуется богатствомъ. Онъ не думаетъ о томъ, чтобы получше поѣсть, хорошо одѣться...

Ѣсть онъ рѣдку съ квасомъ или черный

хлѣбъ съ водой, самъ себѣ шьетъ сапоги, ходитъ въ простой блузѣ, а зимой въ полушубкѣ, Земныя наслажденія не утѣшаютъ его.

Онъ всегда всѣмъ говоритъ только о душевной жизни и желаетъ, чтобы люди любили другъ друга, и самъ первый примѣръ подаетъ своею праведною жизнью. Онъ никогда никого не обидитъ, не сдѣлаетъ зла...

Его теперь только и утѣщаетъ *духъ жизни*. и его добрая жизнь и ученіе во вѣки не умрутъ.

Сергѣй Петровичъ перебилъ мужика:

— Левъ Николаевичъ всегда говоритъ, что человѣкъ долженъ быть чистъ, какъ восковая свѣчка... Скажу о себѣ. Я близко знаю графа уже болѣе 40 лѣтъ и стараюсь слѣдовать его примѣру. Правда, сначала для меня трудно было отвыкнуть и отъ водки, и отъ табаку, и любить всѣхъ людей, но съ Божьей помощью и своимъ терпѣніемъ я преодолѣлъ плотскую жизнь и теперь живу, какъ живетъ и Левъ Николаевичъ.

Графъ часто говорилъ мнѣ:

— Вспомнишь, что ты отрекся отъ всего, что тебя прежде смущало, и жизнь становится для тебя такою свѣтлой и радостной.

Посмотрите на дѣла, которыя разбираются въ окружныхъ судахъ. Почти всѣ преступленія, и

кражи и убійства, происходятъ отъ этой проклятой водки.

Да, пуще всего не любить Левъ Николаевичъ, ежели кто пьетъ, и всегда наставляетъ, какъ должно жить, чтобы спасти свою душу.

Помню, разъ несли по Ясной Полянѣ икону. Графъ къ себѣ ея не просилъ, но былъ очень радъ, что мы всѣ молимся.

Послѣ я пришелъ къ нему за Евангелиемъ. Ужъ я такъ привыкъ, живя у графа, что чуть только выдается свободный часокъ, я сейчасъ Евангеліе читаю.

Одинъ разъ Левъ Николаевичъ сказалъ мнѣ:
— Когда-то были люди на свѣтѣ, которые не знали грамоты и молитвъ,—и то спасли себя.

— Какъ?—спросилъ я.

— Тѣ люди были кротки, любили другъ друга и только думали о томъ, чтобы просить Бога о счастіѣ въ загробной жизни, потому они понимали, что нельзя жить вѣчно.

Люди и до сихъ поръ ищутъ Бога, т. е. истинную вѣру.

— Но какая же вѣра лучше?—продолжалъ я.

— Наша православная—истинная вѣра. Церковь наставляетъ насъ ко всему хорошему и доброму. Когда я началъ учиться азбукѣ и сталъ читать заповѣди, то понялъ, что въ нихъ все

добро выражено. Человѣкъ съ дѣтства долженъ внимать этому, тогда, выросши, онъ невольно будетъ слѣдовать заповѣдямъ и станетъ хорошимъ человѣкомъ.

И ужъ тогда человѣкъ ни въ чемъ не согрѣшитъ ни предъ Богомъ, ни предъ людьми.

— А скажите,—вдругъ спросилъ у меня Арбузовъ,—понравилось въ городѣ „Воскресенье“ Льва Николаевича? Я затѣмъ спрашиваю, что какъ-то графъ со мною разговоръ имѣлъ о такихъ дѣвцахъ, какъ эта самая Маслова.

Это было года три назадъ. Подошелъ графъ къ моей избѣ и говоритъ:

— Пройдемся, Сергѣй, погуляемъ.—И пошли, сперва садомъ, а потомъ и въ поле вышли.

— Какъ, по твоему,—спрашиваетъ Левъ Николаевичъ,—попадаютъ дѣвушки во всякіе притоны?

— Сманиваютъ, — говорю я, — и ужъ разъ дѣвушка начала такую позорную жизнь, такъ послѣ волей-неволей не можетъ вырваться изъ сѣти.

— И я такъ думаю,—отвѣтилъ Левъ Николаевичъ и рассказалъ слѣдующее:

— Былъ я въ Казани, окончивши курсъ въ университетѣ, вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ Дьяковымъ. Вотъ встрѣтили мы дѣвушку, еще

совсѣмъ молодую, но уже пропащую, и рассказала она намъ про свою несчастную жизнь. Красивая была дѣвушка, умная. Я и говорю ей: — Если хочешь, я за тебя заплачу, кому слѣдуетъ, ступай на волю, работай и живи честнымъ трудомъ.

Она и согласилась и стала меня благодарить. А я ей: „не за что, говорю; несчастье можетъ случиться съ каждымъ человѣкомъ, и всѣ мы должны помогать другъ другу“.

А только черезъ день, когда мы съ ней опять встрѣтились, заплакала она и говоритъ: „Нѣтъ, говоритъ, не беспокойтесь вы для меня, потому ужъ теперь я чувствую, что ни къ какой другой жизни неспособна“.

Такъ я ее и не могъ убѣдить вернуться къ честной жизни.

— Я думаю, — прибавилъ Левъ Николаевичъ, — ежели бъ не солдаты да мастеровые, не было бы столько падшихъ женщинъ. Всѣ пороки рождаются въ большихъ городахъ.

— А бываетъ, — сказалъ я, — что и въ деревню пріѣдетъ городской баринъ и испортитъ дѣвушку?!

— Это ужъ непростительный грѣхъ. Такого человѣка совѣсть должна замучить, потому это все равно, что убить живого человѣка.

Я вспомнилъ, что въ сборникѣ анекдотовъ г. Сергѣенко: „Какъ живетъ и работаетъ графъ Л. Н. Толстой“ говорилось о какой-то яснополянской дѣвушкѣ, бросившей своего новорожденнаго младенца въ глубокой колодезь, и о томъ впечатлѣніи, какое произвелъ на графа этотъ варварскій поступокъ. Я спросилъ у Арбузова о подробностяхъ этого случая.

— Про это я вамъ ничего не скажу, потому что теперь не припомню,— отвѣчалъ онъ,— а вотъ тоже былъ случай, можно сказать, на весь міръ знаменитый, потому, ежели бы не Левъ Николаевичъ, низачто погбли бы три христіанскія души.

Я весь превратился во вниманіе, и Сергѣй Петровичъ началъ свой рассказъ:

— Дѣло было вотъ какъ. Въ іюнѣ 1896 года мы со Львомъ Николаевичемъ гуляли по усадьбѣ, а послѣ забрели и въ лѣсъ. Здѣсь намъ попался лѣсной сторожъ, который сталъ рассказывать графу, что въ деревнѣ Хатункахъ какая-то крестьянская дѣвушка родила близнецовъ.

Подробно разспросивъ сторожа, графъ сейчасъ же отправился въ Хатунки и зашелъ въ избу, гдѣ лежала роженица и ея близнецы-мальчуганы.

Поговоривъ съ отцомъ дѣвушки, который,

къ слову сказать, былъ самый бѣдный мужикъ во всей деревнѣ, графъ тутъ же далъ ему немного денегъ и велѣлъ послѣдовать за собой, въ Ясную Поляну.

— Я тебѣ дамъ лошадь для обработки твоей землицы и корову, чтобы твои внуки всегда были сыты.

Услышала дѣвушка эти добрыя слова графа и говоритъ:

— Самъ Богъ послалъ васъ къ намъ, иначе я бы убила себя или задушила бы своихъ новорожденныхъ. Мы съ отцомъ люди бѣдные, матери у меня нѣтъ, а тутъ еще и предъ людьми совѣстно мнѣ, что такой со мною грѣхъ случился.

А графъ ей на это:

— Не надо, — говоритъ, — людей совѣститься и бояться, а Бога. Всѣ мы — люди и предъ Нимъ всѣ одинаково грѣшны. Былъ бы большой грѣхъ, ежели бы ты задушила неповинныхъ младенцевъ, и тогда очень бы пришлось тебѣ страдать, несчастная женщина.

Взялъ Левъ Николаевичъ съ собой ея отца-мужика и повелъ его въ Ясную Поляну.

Дорогой графъ все ему наставленія читалъ:

— Не ругай и не попрекай свою дочь, а старайся утѣшить ее въ ея горѣ.

Пришли въ Ясную Поляну, графъ разсказаль Софьѣ Андреевнѣ и взрослымъ дѣтямъ про этотъ случай, и всѣ были очень рады, что Льву Николаевичу удалось разыскать эту дѣвицу.

Мужичку дали лошадь, корову, денегъ, разнаго ситцу, бѣлья, четыре пуда муки и сказали, чтобы онъ каждый мѣсяцъ за мукой приходиль.

Мужичекъ сталъ плакать отъ радости и упаль въ ноги графу.

— Никогда не надо этого дѣлать,—сказаль ему на это графъ,—кланяйся и молись Богу, и Онъ всегда ниспошлетъ на тебя Свою милость. Смотри же, не ругай твою дочь, какъ я тебя просиль объ этомъ.

А мужичекъ отвѣчаетъ:

— Помилуй меня Богъ, чтобы я теперь сталъ ее ругать. Теперь я радоваться долженъ на своихъ внучать, потому, ежели бы не они, я бы совсѣмъ померъ съ голоду. По бѣдности своей я уже десять лѣтъ не имѣю даже лошади, а теперь у меня и лошадь, и корова, и всякое хозяйство. Теперь я считаю, что я — счастливѣйшій человекъ на свѣтѣ. Вы, ваше сіятельство, смилостивились надъ нами и спасли насъ.

— Не меня благодари, отъ меня милости никакой нѣтъ,—отвѣтилъ графъ,—молись Богу, потому Онъ далъ тебѣ все это. Только будь

добръ душой и проси милости у Бога, и завсегда Господь пошлетъ тебѣ.

Поблагодарилъ мужичекъ графа и графиню и повелъ къ себѣ лошадь и корову.

Прошелъ усадьбу и только вышелъ на большую дорогу, какъ попадается ему навстрѣчу объѣздчикъ засѣки.

Объѣздчикъ остановилъ мужичка и спрашиваетъ:

— Купилъ лошадь и корову или ведешь продавать?

— Ни продаю, ни покупаю,—отвѣчаетъ ему мужичекъ,—а это мнѣ Богъ далъ.

И рассказалъ объѣздчику, какъ графъ его наставлялъ, что за все хорошее въ нашей жизни мы должны благодарить Бога, а не людей.

— Послѣ этого дня,—закончилъ Арбузовъ,—графъ каждый разъ ходилъ въ Хатунки, бесѣдовалъ со старикомъ и училъ уму-разуму его дочь.

Послѣдняя часто плакала, а одинъ разъ и говорить графу:

— Какъ мнѣ васъ благодарить за всѣ эти благодѣянiя?

И ей онъ сказалъ: „Не меня благодарн, а Бога“.

И когда дѣвушка спросила:— „А какъ же

надо благодарить Бога?“— Левъ Николаевичъ отвѣтилъ ей:

— Молись и сыновей учи молитвамъ, а когда они у тебя подрастутъ,— пусть каждый день Евангеліе читаютъ.

— Вотъ, какой человѣкъ нашъ Левъ Николаевичъ! — воскликнулъ Арбузовъ и прибавилъ:— А только, я такъ думаю, въ городѣ мало имѣютъ объ немъ настоящаго понятія?

Я ничего не отвѣтилъ, но подумалъ про себя: а вѣдь Арбузовъ отчасти правъ.

Сознайтесь, читатель. Вѣдь, и впрямь „въ городѣ мало имѣютъ настоящаго понятія“ о графѣ Толстомъ, Львѣ Николаевичѣ.

Москва.

